

И.А.СТУЧЕВСКИЙ

ВОСТОЧНЫЕ КОРНИ МИФА О ХРИСТЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. А. СТУЧЕВСКИЙ

ВОСТОЧНЫЕ КОРНИ МИФА О ХРИСТЕ

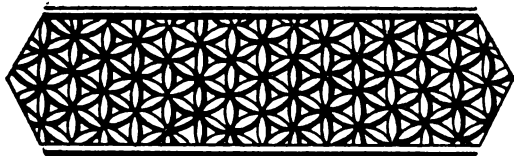
ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1968

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся древней историей, в частности на преподавателей средней школы, учащуюся молодежь и пропагандистов-антирелигиозников.

В ней рассматривается один из главных вопросов истории христианской религии — об истоках евангельского мифа о Христе. Автор кратко излагает некоторые основные выводы, к которым пришла по этому вопросу передовая историческая наука. Рассматривая религиозные представления народов древнего Востока, отразившиеся в поклонении умирающим и воскресающим божествам растительности, он показывает, что элементы этих верований содержатся и в позднейших представлениях о Христе.

Помещен список книг, рекомендуемых для более полного ознакомления с темой.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. И. АВДИЕВ

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ИИСУС ХРИСТОС

Христианство — одна из наиболее распространенных «мировых» религий; она возникла около двух тысяч лет назад в римском рабовладельческом обществе. С тех пор произошли большие исторические изменения, на смену рабовладельческому строю пришли другие общественно-экономические формации, но христианство, приспособляясь к новым условиям, все время во всех антагонистических классовых обществах продолжало и продолжает в настоящее время выполнять свою основную социальную функцию — усыплять народные массы, отвлекать их от борьбы со своими поработителями.

«Религия,— писал В. И. Ленин,— есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством»¹.

Христианская религия распространена среди значительной части человечества. Именно поэтому борьба с ней очень сложна. Как писал Ф. Энгельс, «с религией, которая покорила Римскую мировую империю и в те-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

чение 1800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделяться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы ее понять, необходимо суметь объяснить ее происхождение и ее развитие из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства»². Научное объяснение происхождения христианства, нанося удар по церковной идеологии, помогает людям освободиться от религиозного дурмана.

Несостоятельность церковной версии о божественном происхождении христианской религии и мифичность образа ее легендарного основателя раскрываются при критическом рассмотрении произведений так называемой новозаветной библейской литературы, которые церковь объявила «боговдохновенными» и «осветила», канонизировала.

В «Новый завет» входят двадцать семь произведений различных жанров: четыре евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна), «Деяния святых апостолов», двадцать одно послание апостолов и «Откровение Иоанна Богослова» («Апокалипсис»). Важнейшая часть «Нового завета» — евангелия; в них излагается история чудесного рождения, жизни и смерти основателя христианства — Иисуса Христа, а также его учение. Евангелия были составлены значительно позже других новозаветных произведений, примерно в середине II в. н. э.³

В наиболее ранней книге «Нового завета» — «Откровении Иоанна Богослова», написанной в 68 г. н. э., в форме древнего пророчества рисуется фантастическая картина грядущей гибели Рима и торжества последователей Христа.

В «Деяниях святых апостолов» и посланиях, хронологически занимающих промежуточное положение ме-

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 602—603.

³ Кроме четырех новозаветных евангелий, в древности существовало множество других, например евангелия от Иакова, Иуды, Никодима, Петра, от евреев, от египтян и т. д. Впоследствии, в IV в. н. э., церковь произвела отбор евангелий, «осветив», канонизировав только четыре из них, вошедшие в «Новый завет», а остальные объявив ложными, апокрифическими.

жду «Откровением» и евангелиями, рассказывается мифическая история распространения христианства легендарными учениками Иисуса — апостолами — и сообщаются некоторые сведения об организации и быте первых христианских общин.

В течение очень долгого времени новозаветные рассказы не были объектом научного изучения; достоверность их не вызывала никакого сомнения. Считалось само собой разумеющимся, что христианство возникло в Палестине под влиянием проповеди богочеловека Иисуса, который родился за четырнадцать лет до смерти императора Августа и умер на кресте во время царствования императора Тиберия⁴. Из Палестины христианство распространилось по всему миру.

Подобное представление в новое время подверглось серьезной критике со стороны просветителей XVIII в., главным образом французских атеистов Мелье, Гольбаха, Дидро и др. Эти мыслители использовали для разоблачения христианских легенд противоречия, встречающиеся в новозаветных произведениях, объявленных церковниками «священными». Они выявили множество противоречий и нелепостей в библейских легендах, показали отсутствие у авторов евангелий подлинных знаний о реальной исторической обстановке в Палестине I в. н. э.

С XIX в. в буржуазной исторической литературе, посвященной проблеме происхождения христианства, установилось в основном два направления: «правоверное» — католическое и православное, державшееся буквального смысла «священного писания», и либерально-протестантское, представители которого подходили к изучению материалов новозаветной литературы в большей или меньшей степени критически.

Следует подчеркнуть, что даже сравнительно смелые буржуазные критики христианства, как правило, оказывались в своих выводах непоследовательными, так как не желали или не могли окончательно порвать с религиозной идеологией.

⁴ Годы правления императора Августа — 31 г. до н. э. — 14 г. н. э.; годы правления императора Тиберия — 14—37 гг. н. э.

Это характерно и для некоторых буржуазных авторов XX в. Так, например, Артур Дреус в своей интересной книге «Миф о Христе», убедительно доказывая, что Иисуса Христа как исторической личности никогда не существовало, в то же время ратовал за «очищенную», утонченную форму христианской религии.

В последние годы в зарубежной буржуазной исторической науке наметилась тенденция к отходу от научного критического анализа новозаветных текстов. Многие бывшие либеральные теологи сомкнулись с реакционными, став на путь откровенной защиты церковной версии возникновения христианской религии.

Только материалистическая наука, вооруженная методом марксизма-ленинизма, до конца разоблачила христианские легенды, раскрыла причины возникновения этой религии.

Огромную роль в изучении истории происхождения христианского вероучения сыграли труды Маркса, Энгельса, Ленина, содержащие глубокие высказывания о сущности христианства, его социальных корнях и причинах распространения.

Ф. Энгельс специально занимался историей раннего христианства. В произведениях «Бруно Бауэр и раннее христианство», «К истории раннего христианства», «Книга» «Откровения», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и других он объяснил действительные причины возникновения христианства и его социальную сущность.

Работы основоположников марксизма полностью сохраняют свое огромное значение и в современных условиях, когда наиболее гибкие церковные деятели, а вместе с ними правые социалисты идеализируют раннее христианство, пытаясь представить его как истинно социалистическое движение.

Энгельс уделил большое внимание древнейшей книге «Нового завета» — «Откровению Иоанна Богослова». Он показал, что христианская «мировая» религия была неизбежным порождением Римского «мирового» рабовладельческого государства, закономер-

ным надстроечным явлением, отобразившим основные особенности социально-экономического развития империи.

Немало ценных трудов о раннем христианстве написано советскими учеными. Среди них можно выделить книги проф. А. Б. Рановича «Очерк истории раннехристианской церкви» (1941) и акад. Р. Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы» (1946), «Рим и раннее христианство» (1954).

Несколько интересных исследований по истории раннего христианства и о происхождении религии вообще опубликовано также современными прогрессивными зарубежными историками. Недавно были переведены на русский язык работы французского историка-коммуниста Ш. Эншлена «Происхождение религии» и английского прогрессивного ученого А. Робертсона «Происхождение христианства».

* * *

Проблема происхождения христианства очень сложна; в нее входит много различных вопросов. Один из них — о происхождении евангельского мифа о Христе.

Как известно, основной догмой христианской религии является вера в божественного спасителя Иисуса Христа, который якобы жил среди людей, принял на себя их грехи, был распят, а затем воскрес и вознесся на небо. Церковники всячески пытаются доказать историчность этого «богочеловека». В частности, они утверждают, что если бы он не существовал, не была бы введена новая эра — «от рождества Христова». Однако этот аргумент не выдерживает серьезной критики. Впервые предложил вести счет годам от рождения Христа римский монах Дионисий Малый в 525 г. н. э.; первые же христиане ни к какой определенной дате рождение Иисуса не приурочивали.

Никаких сколько-нибудь достоверных сведений о дате рождения Христа не дают и евангелия, в которых, кстати сказать, по этому вопросу имеются явные противоречия. Так, в евангелии от Матфея сказано, что

Иисус родился при царе Ироде (глава II, стих 1), в евангелии же от Луки — что при сирийском наместнике Квиринии (II, 2). Между тем Ирод умер в 4 г. до н. э., а Квириний был назначен наместником в 6 г. н. э. Спрашивается: когда же родился Христос?

Малая вероятность гипотезы об историческом существовании Иисуса Христа обнаруживается при анализе евангелий. Эти произведения, записанные не раньше середины II в. н. э., т. е. спустя более чем сто лет после мифической даты рождения Христа, полны непримиримых противоречий в описании его земной жизни.

Так, в разных евангелиях по-разному рассказывается об обстоятельствах рождения Иисуса. В евангелии от Матфея, например, говорится, что почтить родителей Христа — Марию и Иосифа — и поклониться младенцу пришли в их дом в Вифлееме восточные волшебники—волхвы: «Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды. И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о младенце, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться ему. Они, выслушавши царя, пошли. И се звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как, наконец, пришла и остановилась над местом, где был младенец. Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою. И, вошедши в дом, увидели младенца с Мариною, матерью его, и, падши, поклонились ему...» (II, 7—11).

В евангелии от Луки речь идет уже не о волхвах, а о пастухах, обнаруживших Иисуса в яслях для овец: «Когда ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдём в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам господь. И, поспешивши, пришли, и нашли Марию, и Иосифа, и младенца, лежащего в яслях» (II, 15—16).

В евангелии от Матфея сказано, что, спасаясь от Ирода, Мария с младенцем Христом и Иосифом бежала в Египет; там это «святое семейство» находилось до смерти Ирода: «Он (Иосиф. — И. С.) встал, взял младенца и мать его ночью и пошел в Египет. И там был до смерти Ирода» (II, 14—15).

В евангелии от Луки о преследованиях Ирода и бегстве «святого семейства» в Египет не говорится ни слова. Напротив, младенца Иисуса приносят вскоре после рождения в Иерусалим: «По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать младенца, дали ему имя Иисус, нареченное ангелом прежде зачатия его во чреве. А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли его в Иерусалим, чтобы представить пред господа» (II, 21—22).

Таким образом, мы видим, что евангелия от Матфея и от Луки противоречат друг другу в описании рождения Иисуса. Подобные противоречия в рассказах о тех или иных событиях земной жизни Христа можно обнаружить и при сравнении других евангелий. Так, в евангелии от Матфея говорится, что Христос сам призвал к себе первых учеников — апостолов Симона (Петра) и Андрея: «Проходя же близ моря Галилейского, он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за мною, и я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за ним» (IV, 18—20). В евангелии же от Иоанна сказано, что Андрей узнал о Христе от Иоанна Крестителя и пришел к нему вместе со своим братом: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: «Христос». И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: «камень» (Петр)» (I, 40—42).

Но не только противоречия можно встретить в евангельских описаниях жизни Иисуса Христа. В них имеется также много неправильных, нелепых сведений о Палестине того времени, когда якобы жил Христос.

Например, автор евангелия от Иоанна описывает допрос Христа столь туманно, что создается впечатление, будто Христос был казнен при двух иудейских пер-

восвященниках — Анне и Каиафе (XVIII, 13—24), хотя в Иерусалиме никогда не было двух первосвященников одновременно.

Совершенно неправдоподобен рассказ автора евангелия от Матфея о том, что Иисус вселил бесов двух одержимых в стадо свиней, после чего все стадо бросилось в море (VIII, 30—32). Не говоря уже о невероятности самого «чуда», в этом рассказе бросается в глаза и другая нелепость: свиньи считались в Палестине нечистыми животными, и никто не стал бы их там разводить.

Приведенные факты показывают, насколько противоречивы и невероятны сведения о Христе, содержащиеся в евангелиях.

Но, может быть, евангелисты обрабатывали древнее устное предание, которое, несмотря на всю свою противоречивость, восходило к реальным фактам? Подобное предположение можно было бы признать обоснованным только в том случае, если бы в наиболее древних, написанных вскоре после вымышленной даты смерти Христа новозаветных книгах содержалось больше правдоподобных сведений о его земной жизни, чем в значительно позже созданных евангелиях. Однако в действительности мы наблюдаем совсем другое: чем позднее написано произведение, тем больше в нем подробностей о земной жизни Христа; наоборот, чем оно древнее, тем меньше таких сведений и тем сильнее подчеркивается там божественность Христа.

В древнейшей книге «Нового завета» — «Апокалипсисе» земная биография Христа полностью отсутствует, а его рождение и сам он обрисованы чисто фантастически: «И явился на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» (XII, 1—2); «И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к богу и престолу его» (XII, 5); «И увидел я отверстое небо, и вот — конь белый, и сидящий на нем называется верный и истинный, который праведно судит и воинствует. Очи у него, как пламень

огненный, и на голове его много диадим. Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме его самого. Он был облечен в одежду, обогренную кровью. Имя ему: «слово божие» (XIX, 11—13); «Он держал в деснице своей семь звезд; и из уст его выходил острый с обеих сторон меч; и лицо его, как солнце, сияющее в силе своей» (I, 16). Кроме того, об Иисусе говорится здесь как об агнце, «как бы закланном, имеющем семь рогов и семь очей» (V, 6).

В посланиях апостола Павла, написанных позже «Откровения» (в начале II в. н. э.), образ Иисуса Христа приобретает некоторые земные, человеческие черты, хотя никаких подробностей о его земной жизни еще не сообщается. Так, в «Послании к римлянам» говорится, что Христос — это сын божий, «который родился от семени Давидова по плоти и открылся сыном божием в силе, по духу святыни, чрез воскресение из мертвых...» (I, 3—4). В «Первом послании к Тимофею» также сообщается, что «бог явился во плоти, оправдал себя в духе, показал себя ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе» (III, 16).

Только в евангелиях, записанных не раньше середины II в. н. э., Иисус Христос превращается в богочеловека с подробной земной биографией. Особенно характерно в этом отношении евангелие от Луки, передающее массу бытовых подробностей. Например, в нем сообщаются сведения о родителях крестившего Христа Иоанна Крестителя, о Марии, о детских годах Христа, якобы поражавшего всех своей ученостью, об обстоятельствах его казни и воскресения и т. п.

Следует вообще подчеркнуть, что евангельские рассказы о Христе крайне искусственны. Многие в его биографии изображаются как осуществление древних библейских пророчеств. Так, автор евангелия от Матфея, рассказывая об ангеле, сообщающем Иосифу о том, что Мария скоро должна родить Иисуса, добавляет: «а все сие произошло, да сбудется реченное господом чрез пророка, который говорит: «се, дева во чреве примет, и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил,

что значит: с нами бог (Исайя 7, 14)» (Матф., I, 22 — 23). Мотивируя возвращение «святого семейства» из Египта в Назарет после смерти Ирода, евангелист пишет: «да сбудется реченное чрез пророков, что он назореем наречется (Суд. 13, 5)» (Матф., II, 23).

Мифический образ Иисуса Христа обрастал земными чертами постепенно, по мере отдаления от тех лет, когда он якобы жил и проповедовал в Палестине. Если бы авторы новозаветных произведений писали о реально существовавшем человеке — религиозном реформаторе Иисусе, наблюдалась бы противоположная закономерность.

Неисторичность образа евангельского Иисуса Христа доказывается также отсутствием достоверных сведений о нем в сочинениях греко-римских и иудейских авторов I—II вв. н. э.

Правда, в «Иудейских древностях» — произведении жившего в I в. н. э. иудейского историка Иосифа Флавия — содержится упоминание о Христе (XVIII, 3, 3), но это, несомненно, фальшивка, поздняя вставка христианского переписчика.

Сообщение римского историка Тацита о жестоких гонениях на христиан в Риме в 64 г. н. э. («Летопись», XV, 44), по-видимому, можно считать всего лишь передачей маловероятных слухов, распространявшихся самими христианами уже во времена Тацита (в начале II в. н. э.).

Неубедительны и сведения о Христе, приводимые писателем Светонием — автором «Жизнеописания двенадцати цезарей». В биографии императора Клавдия («Клавдий», XXV) Светоний упоминает о последователях некоего Хреста, которого некоторые исследователи склонны отождествлять с Иисусом Христом. Но Хрест и Христос — это совершенно разные имена; спутать их Светоний, конечно, не мог. В биографии императора Нерона («Нерон», XVI) Светоний рассказывает о преследованиях христиан в Риме. Однако это сообщение, по-видимому, опирается на столь же малодостоверный источник, что и свидетельство Тацита.

Большого доверия заслуживает сообщение писате-

ля Плиния Младшего, который в письме к императору Траяну (X, 96) рассказывает о христианах Малой Азии⁵.

Следует отметить, что почти во всех перечисленных случаях речь идет не о самом Христе, а о его последователях, христианах. Кроме того, все эти авторы (за исключением Иосифа Флавия) жили и писали во II в. н. э., т. е. тогда же, когда составлялись евангелия, и потому могли слышать о Христе от самих христиан.

Таким образом, ни иудейские, ни греко-римские авторы I — II вв. н. э. ничего не дают для доказательства исторического существования Христа.

Весьма показательно, что в древности многие считали совершенно невероятными все сведения о Христе. Писавший в середине II в. н. э. христианский апологет Юстин так передавал широко распространенное в его время мнение о христианах и Христе: «Вы (имеются в виду христиане. — И. С.) следуете пустой молве, вы сами себе выдумываете Христа. Если он и родился и существовал где-нибудь, он во всяком случае совершенно никому не известен»⁶.

Римский автор антихристианского направления Цельс с издевкой заявлял: «Христиане подобны червям, которые стали бы говорить, что, мол, есть бог, а затем следуем мы, рожденные богом, подобные во всем богу... Ныне, говорят черви, ввиду того, что некоторые среди нас согрешили, придет бог или он пришлет своего сына, чтобы поразить нечестивых и чтобы мы прочно обрели вечную жизнь с ним»⁷. Далее Цельс рассказывает, как распространяются слухи о явлении спасителя: «Многие безвестные личности в храмах и вне храмов, некоторые даже нищенствующие, бродящие по городам и лагерям, очень легко, когда представляется случай, начинают держать себя как про-

⁵ Впрочем, акад. Р. Ю. Виппер сомневается в истинности и этого сообщения о христианах (*Р. Ю. Виппер*, Рим и раннее христианство, М., 1954, стр. 183—185).

⁶ Цит. по кн.: *А. Ранович*, Очерк истории раннехристианской церкви, М., 1941, стр. 47.

⁷ *А. Ранович*, Античные критики христианства, М., 1935, стр. 57.

рицатели. Каждому удобно и привычно заявлять: «Я — бог, или дух божий, или сын божий. Я явился. Мир погибает, и вы, люди, гибнете за грехи. Я хочу вас спасти. И вы скоро увидите меня возвращающимся с силой небесной»⁸.

Блестяще осмеял первых христиан в произведении «О смерти Peregrина» греческий автор Лукиан, изобразивший христианского проповедника и сочинителя «священных» книг отъявленным плутом и развратником.

Несомненно, языческие авторы имели основание иронизировать по поводу первых христиан и их учения. Показательно при этом, что, рассказывая о множестве подвизавшихся в Палестине и вообще на Востоке прорицателей и проповедников, ни Цельс, ни Лукиан ничего не сообщает о проповеднике Иисусе Христе.

Полное молчание о Христе греко-римских и иудейских авторов, в том числе и таких, как Иосиф Флавий и Филон Александрийский, прекрасно осведомленных обо всех сколько-нибудь значительных событиях I в. н. э. в Палестине, нельзя признать случайным.

Таким образом, убедительных исторических данных о существовании пророка Иисуса, объявленного впоследствии богом, у нас нет. Сведения, сообщаемые в евангелиях о его земной жизни, неправдоподобны и противоречивы. Сам собой напрашивается вывод, что Иисус Христос никогда не существовал.

Конечно, можно предположить, что в I в. н. э. в Палестине пророчествовал некто по имени Иешуа — Иисус (это не столь уже редкое иудейское имя). Однако мы о нем ничего не знаем; у нас нет никаких оснований считать, что он имел какое-либо отношение к евангельскому Иисусу⁹.

Христианские богословы изображают Христа как единственно истинного бога; для них неприемлема са-

⁸ А. Ранович, Античные критики христианства, стр. 85.

⁹ Следует, впрочем, сказать, что как бы ни решался вопрос о том, существовал Христос или нет, наше понимание сущности христианства как религии не изменится.

мая мысль о каких бы то ни было связях образа Христа с другими, дохристианскими богами. На самом деле Христос вовсе не является каким-то исключительным, единственным в своем роде божеством. Напротив, в его евангельском образе много черт, свойственных древним восточным представлениям о божествах растительности.

В евангелии от Иоанна Христос говорит о себе: «Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь мира» (VI, 48—51).

В другом месте того же евангелия Христос называет себя виноградной лозой: «Я есмь истинная виноградная лоза, а отец мой — виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (XV, 1—2).

С такими представлениями связано одно из основных христианских «таинств» — причащение телом и кровью Христа (как известно, по учению церковников, «причащающиеся» под видом хлеба и вина едят настоящее тело и пьют настоящую кровь Христа).

Во многих странах исполнение некоторых христианских обрядов обставляется таким образом, что с полной очевидностью проявляется связь культа Иисуса Христа с древними культами божеств растительности. Так, в Сицилии перед пасхой верующие проращивают зерна пшеницы. Когда появляются стебли, их перевязывают красными лентами и хоронят в страстную пятницу вместе с изображением Христа.

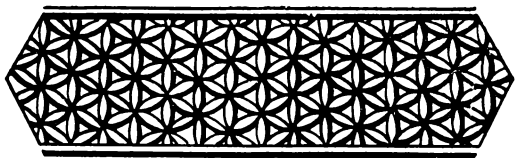
Еще в древности некоторые христианские деятели доказывали истинность своей религии, ссылаясь на жизнь органической природы, конечно, не сознавая действительного смысла проводимых ими параллелей. Так, богослов II в. Феодил утверждал: как семя, брошенное в землю, умирает, чтобы впоследствии возродиться к новой жизни в виде колоса или травы, как деревья зимой увядают, чтобы весной вновь

пробудиться, так и Иисус Христос умер, чтобы воскреснуть.

Таким образом, несмотря на все позднейшие наслоения, церковному облику Иисуса Христа присущи некоторые черты бога растительности — хтонического (от греческого слова «хтонос» — «земля») божества производительных сил природы.

Отсюда следует, что истоки евангельского мифа о Христе нужно искать в религиозных представлениях народов древности, главным образом в хтонических, отражающих явления периодического умирания и воскресения природы, верованиях восточных народов.

КУЛЬТ УМИРАЮЩИХ И ВОСКРЕСАЮЩИХ БОЖЕСТВ В РЕЛИГИЯХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Из чувства бессилия человека перед природой в период первобытнообщинного строя зародилась религия — «превратное мировоззрение».

Человека подавляли стихийные силы природы, от которых зависела его жизнь, и поэтому уже в глубокой древности все народы обожествляли небо, землю, воду, а также растительность, животных и т. п. По мере развития производительных сил, образования классов и государства религиозные представления изменялись. Как писал Ф. Энгельс, «фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты...»¹⁰.

Подобные изменения претерпевали религиозные представления всех народов, в том числе и народов, населявших долину Нила.

Мифы древних египтян рисуют богов в персонифицированных образах властителей природы—владык неба, земли, солнца, воды, растительности и т. п., отражая классовый характер того общества, в котором создавались и оформлялись эти сказания.

¹⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., Госполитиздат, 1953, стр. 299.

Однако в египетской религии прочно удерживались и мотивы очень древних религиозных представлений, восходивших к временам первобытнообщинного строя. Так, к числу древнейших сказаний, зародившихся еще в эпоху матриархата, можно отнести легенду о богине-матери, небесной владычице, рождающей солнце без помощи бога-отца. Согласно этой легенде, из лона богини каждое утро выходит солнце, которое вечером ею проглатывается. Оплодотворенная таким образом богиня-мать на следующий день рождает солнце вновь.

В этом мифе отражается очень древнее представление, свойственное многим народам, находившимся на ранних этапах общественного развития, о рождении божества матерью в результате проглатывания ею какого-либо предмета без участия мужского начала. К подобному представлению восходят различные сказания о непорочном зачатии героя или бога, в том числе и христианская легенда о рождении Иисуса Христа девой Марией.

В египетских мифах нашло отражение и ежегодно наблюдаемое обновление природы, связанное с разливом Нила. В древнейший период это обновление в некоторых мифах объяснялось деятельностью женского божества, в частности богини-львицы Хатор-Тefнyт, которая, по представлению древних египтян, каждый год отправлялась на юг, в Нубию, и вновь возвращалась в Египет, вызывая разлив Нила. Приход богини отмечался празднествами по случаю оживления природы.

Наибольшей популярности в Египте в связи с ежегодным умиранием и расцветом природы достиг культ бога Осириса, повлиявший впоследствии на основные христианские представления о боже-заступнике, спасшем род человеческий своей смертью и воскресением.

Миф об Осирисе очень древнего происхождения. Основное в нем — обожествление растительности. Черты культа бога растительности ярко проявляются уже в самом внешнем облике Осириса. Его изображали обычно окруженным различными растениями: виноградной лозой, лотосом, тростником и т. п. Цвет кожи Осириса — зеленый. В ритуальных целях из земли со-

здавались его контурные изображения. В землю сажали семена, которые, прорастая, давали зеленый силуэт Осириса. Как бог растительности Осирис был наделен всеми характерными чертами умирающего и воскресающего божества производительных сил природы.

Приведем краткое содержание мифа об Осирисе и его возлюбленной сестре и жене Исида.

Осирис, бог растительности, правивший Египтом, был предательски убит своим злым братом Сетом. Богиня Исида отправилась на поиски тела супруга и брата. Однако Сет разрубил тело Осириса на части и разбросал по всей стране. Но Исида нашла эти части, а бог Анубис соединил и спеленал их. Затем Исида таинственным образом зачала от Осириса и родила бога Гора. Спасаясь от преследования Сета, она скрывалась с Гором в болотах нильской дельты. Когда Гор вырос, он стал мстить за отца. После долгой борьбы и судебного препирательства Гор был признан богами наследником Осириса на земле, а сам Осирис, оживленный Гором, стал судьей в царстве мертвых.

Культ Осириса был тесно связан с культом царя и с представлениями о загробном суде. Египетские цари при жизни отождествлялись с Гором, а после смерти — с Осирисом. Связь культов царя и Осириса понятна: согласно очень древним представлениям, царь считался ответственным за благосостояние страны, за плодородие земли. В первобытную эпоху это даже, возможно, приводило к убиению одряхлевшего вождя, так как считалось, что он больше не может обеспечить плодородие на подвластной ему территории; в историческую эпоху в Египте справлялся так называемый «Хебсед» — праздник магического омоложения царя, заменивший древний обычай убийства.

Как лицо, магически обеспечивающее плодородие, египетский царь совершал обряды, показывающие его связь с различными явлениями природы и земледелием. При наступлении разлива Нила он бросал в воду папирус, в котором содержался приказ реке орошать поля. Царь был главным действующим лицом в празднествах по случаю начала пахоты, жатвы и т. п.

Культ Осириса способствовал укреплению власти и

авторитета царя. Жрецы поучали народ, что только покорностью царю и им, жрецам, можно заслужить оправдание у Осириса в загробном судилище.

Изображения, сохранившиеся в так называемой «Книге мертвых» (древнем сборнике заупокойных магических формул, молитв и гимнов богам), показывают, как представляли себе египтяне суд Осириса. Осирис восседает на троне перед весами, на которых взвешивается сердце умершего. Возле Осириса на высоком табурете сидит чудовище — помесь гиппопотама и львицы с головой крокодила. Оно пожирает грешников.

Классовая роль учения о загробном суде и всего культа Осириса не оставляет никаких сомнений: оно укрепляло власть царя, жречества, рабовладельческой знати.

Как же влиял миф об Осирисе на формирование мифа об Иисусе Христе? И сам образ Осириса, умершего и воскресшего бога, и обстоятельства его смерти, и его роль судьи в загробном царстве чрезвычайно напоминают евангельскую легенду о Христе.

Культ Осириса сильно повлиял на христианскую обрядность. По-видимому, отчасти от египетских погребальных церемоний, связанных с культом Осириса, идет обычай православной церкви изображать в страстную неделю Иисуса в виде нарисованного на холсте лежащего мертвеца. В Египте мумию — набальзамированное тело покойного, уподоблявшегося Осирису, запеленывали в особые льняные ткани, на которых в эллинистическую эпоху¹¹ рисовали портрет умершего. В христианской религии нашли отражение и представления, связанные с супругой Осириса — богиней Исидой. В частности, образ девы Марии сходен в некоторых отношениях с образом Исиды, таинственно зачавшей Гора. Многочисленные египетские изображения Исиды с Гором-младенцем на руках, несомненно, повлияли на христианскую иконографию.

¹¹ Эллинизм — эпоха в древней истории многих стран Ближнего и Среднего Востока, продолжавшаяся несколько столетий, начиная с IV в. до н. э. (со времени похода Александра Македонского на восток); в этот период вступили во взаимодействие восточные и греческие элементы в области хозяйства, политического устройства и культуры.

В эллинистическую эпоху культ Исиды стал широко распространяться по странам Средиземноморья. Поклонников этой всеблагой богини можно было встретить повсюду. Некоторые стороны ее культа могли повлиять на формировавшееся христианское вероучение.

В эллинистическо-римский период в Египте на базе смешения древних местных религиозных представлений и сказаний с греческими возникает ряд мессианистических течений¹², которые также могли воздействовать на формировавшееся христианское вероучение. Так, в культе эллинистического божества Сераписа, в котором сочетались, кроме греческих представлений, древние египетские верования, в частности верования осирического цикла, проявлялись мессианистические тенденции, родственные христианским. В египетской сказке о юноше Са-Осирисе («сыне Осириса») рассказывается, что у смертной женщины родился божественный сын Са-Осирис, спаситель страны от эфиопского злого колдуна. В конце сказки сообщается, что приход Са-Осириса в мир был предсказан за полторы тысячи лет в одном древнем пророчестве. Основная идея этой сказки напоминает евангельские представления о Христе как спасителе человечества.

В одном из своих поучений Са-Осирис противопоставляет блаженство на том свете праведного нищего и страдание грешного богача в духе известной позднейшей евангельской притчи о богаче и нищем Лазаре. Возможно, что сюжет этой притчи заимствован из египетской сказки. ✓

Древнеегипетские религиозные верования — лишь один из многочисленных источников христианской легенды. На христианство, и прежде всего на образ самого Иисуса Христа, оказали влияние также религии многих других народов древнего Востока, в том числе народов древнего Двуречья — долины рек Тигра и Евфрата.

¹² Месс и а н и з м — вера в приход божественного посланца, который якобы должен явиться для уничтожения зла на земле и установления «царства небесного».

Дошедшие до нас мифы народов Двуречья (шумерийцев и семитов-вавилонян¹³) изображают стихии природы в очеловеченном облике. Особая роль в этих мифах отводится обычно богине земли, водной стихии, ирригации, скотоводства и земледелия, известной под шумерийским именем Инанна или под семитическим — Иштар.

В родословной богов Двуречья Инанна-Иштар занимала почетное место. Она считалась дочерью бога луны Сина (по другим мифам — бога воды Энки) и внучкой верховного бога неба Ану. Иногда она называлась супругой или дочерью Ану, например в поэме о Гильгамеше — легендарном царе древнего города Урука.

Инанна-Иштар была богиней плодородия; по представлению древних шумерийцев и вавилонян, от нее зависела жизнь земледельца и скотовода. Она почиталась также и как богиня водной стихии. В одном вавилонском гимне об Иштар говорится:

Без тебя ни один поток, приносящий жизнь,
не открывается и не закрывается;
Без тебя ни один канал, дающий воду для питья
повсюду живущим людям, не открывается и не закрывается.

В древнейшие времена Инанна-Иштар была покровительницей скота. Ее иногда наделяли эпитетом «рогатая» или называли «дикой коровой». В гимне она говорит о себе:

Молодому скоту стойл я даю пить,
В гнездах слабым я даю есть.

Со временем функции Иштар значительно расширились. Она стала считаться богиней планеты Венеры, а Ассирии ей поклонялись и как победоносной царице-воительнице.

Но главным образом Иштар почитали как богиню земли и плодородия, любви и красоты.

¹³ Шумерийцы — древнейшие жители Южного Двуречья, культура которых была воспринята позднее проникшими сюда семитическими племенами, впоследствии получившими наименование вавилонян.

Олицетворяя производительные силы земли, Инанна-Иштар считалась виновницей весеннего возрождения природы. Увядание и смерть объяснялись уходом ее в иной мир.

Давно известна вавилонская поэма о нисхождении Иштар в подземное царство к жестокой богине Эрешкигаль, которая вначале не хотела отпускать ее обратно, что вызвало прекращение жизни на земле. Возвращение Иштар из преисподней привело к расцвету природы. В поэме прямо не сказано, зачем Иштар отправилась в царство мертвых. Очевидно, она там искала Таммуза — своего умершего супруга и брата (по другим данным, также и сына), упоминаемого в конце поэмы.

Таммуз — это семитическое наименование шумерийского божества Думузи. В последние годы исследователи ознакомились с более древней, шумерийской версией поэмы, в которой бог Думузи-Таммуз не упоминается, а мотив смерти и воскресения природы связывается исключительно с образом Инанны-Иштар.

Таким образом, лишь со временем в этом мифе начинает фигурировать мужское хтоническое божество растительности, олицетворявшее круговорот природы, божество Таммуз, подобное египетскому Осирису. Образ умирающего и воскресающего юного бога растительности Думузи-Таммуза повлиял впоследствии на формирование образа евангельского Иисуса Христа.

Миф о Думузи зародился в Двуречье еще при родовом строе. По-видимому, вначале Думузи не играл большой роли среди хтонических божеств и уступал первое место Инанне-Иштар. Первоначально Думузи был скотоводческим божеством. Позднее его стали рассматривать как покровителя всей органической природы. Кроме того, он считался покровителем города Урука.

Что касается родословной Таммуза (Думузи), то он был сыном бога воды Энки-Эа и в то же время братом Инанны-Иштар и ее возлюбленным. Его называли также сыном Иштар. В одной из песен Иштар спрашивает Таммуза:

Кто твоя сестра? Я твоя сестра,
Кто твоя мать? Я твоя мать,

В греческом мифе о боге Адонисе, подобном Таммузу, его рождение объясняется как результат кровосмесительного союза дочери с отцом, вследствие чего мать Адониса Мирра была одновременно его сестрой. Вообще в хтонических религиозных представлениях всех народов древности мотив кровосмесительных браков богов был очень силен (он восходил, по всей вероятности, к воспоминаниям о свойственном первобытным народам примитивном, так называемом групповом браке).

Миф об Иштар и Таммузе еще в глубокой древности послужил поводом для распространенных празднеств — мистерий, во время которых изображались смерть и воскресение Таммуза. Сюжетная основа этих мистерий нашла выражение в вавилонской поэме о нисхождении Иштар в подземное царство.

В заключительных строках поэмы, описывающих возвращение Иштар на поверхность земли, упоминается Таммуз:

На Таммуза, дружка ее юности,
Чистую воду возлей, лучшим елеем помажь;
Светлое платье пусть он наденет,
И лазурная флейта разобьет его сердце,
И веселые девы полонят его мысли.

.

В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья!

Очевидно, Иштар отправилась в преисподнюю за своим возлюбленным Таммузом; поэтому воскресение его и отмечалось особым празднеством.

Причина смерти Таммуза в вавилонских мифах остается не вполне ясной. Некоторые намеки, содержащиеся в поэме о Гильгамеше, позволяют предполагать, что виновницей смерти Таммуза считалась в какой-то степени сама богиня Иштар, которая своим непостоянством довела возлюбленного до могилы. Можно предполагать также, что в некоторых не дошедших до нас

¹⁴ В. К. Шилейко, Из поэзии Вавилона, Сб. «Восток», кн. I. Пб., 1922, стр. 13—14.

вариантах мифа о Таммузе он считался погибшим от разбушевавшейся водной стихии, так как во время мистерий его изображение погружалось в воду.

Мистерии происходили летом, в шестом месяце вавилонского календаря. Они обставлялись с большой торжественностью и заканчивались всеобщим празднеством.

Сохранилось множество гимнов и песен, в которых выражались скорбь по умершему Таммузу и радость в связи с его воскресением. Жрицы оплакивали умершего бога. Изображая горе Иштар, они пели:

Он покинул зеленую кушу,
Он покинул, жених, зеленую кушу.

Горе, жених мой, супруг мой.

Горе, оплаканный мой.

Малый, в тонущем челне лежит он,
Зрелый, в колосе никнет, лежит он,
В непогоде, в буре лежит он¹⁵.

Во многих траурных песнях подчеркивалось, что смерть Таммуза вела к гибели всего живого:

Когда он исчезает, она (Иштар. — И. С.) начинает стенать:
«О, мое дитя!» Когда он исчезает, она испускает рыдания...

Она плачет о траве без корней,
Она плачет о хлебе без колосьев.

Она оплакивает поле, на котором не растет ни злаков,
ни травы...¹⁶

Первоначально мистерии Таммуза были типично земледельческим праздником. Впоследствии в празднествах в его честь стали подчеркиваться и другие функции этого божества. Еще в глубокой древности считалось, что Таммуз олицетворял царскую власть, причем земной царь рассматривался как лицо, обеспечивающее плодородие. Подобное представление приводило даже, как уже указывалось, к обычаю ритуального убийства вождя, если он становился стар и не мог больше обеспечивать плодородие на подвластной ему земле. Впо-

¹⁵ В. К. Шилейко, Из книги Edinpa-usacca, Сб. «Восток», кн. 4, М.—Л., 1924, стр. 23.

¹⁶ Дж. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. III, М., 1928, стр. 41.

следствии убийство приобрело фиктивный характер и заменялось различными магическими действиями.

Весьма показателен в этом отношении вавилонский праздник нового года — «загмук». Хотя здесь, кроме Иштар, главным действующим лицом был бог Вавилона Мардук, в сущности, в этом празднестве отобразились мистерии в честь Таммуза, отождествлявшегося с Мардуком.

Мардука-Таммуза изображал вавилонский царь, который по обычаю должен был претерпеть разные унижения. По-видимому, его на время фиктивно лишали привилегий монарха; их передавали подставному лицу (обычно из преступников), впоследствии уничтожавшемуся.

В обряд, совершавшийся во время мистерий, включались следующие представления:

1. Мардук-Таммуз удаляется к двум горам, символизирующим вход в царство мертвых. Здесь его подвергают мучениям, отбирают у него одежду.

2. Мардука заточают в преисподней вместе с преступником, которого вскоре убивают.

3. Жена Мардука богиня Белита-Иштар ищет его.

4. Мардук с торжеством выходит из подземелья.

Праздник «загмук», очевидно, поразили воображение иудеев, познакомившихся с ним во время вавилонского плена¹⁷; это впоследствии нашло отражение в библейской книге «Есфирь» (т. е. «Иштар»). Евангелисты многое заимствовали из вавилонской религиозной драмы при описании мученической смерти Христа.

Если из соответствующего места евангелия от Матфея исключить отдельные фразы, то, по мнению некоторых исследователей, смерть Христа будет там описана почти в полном соответствии с тем, что происходило в Вавилоне во время инсценированных мучений Мардука-Таммуза:

«Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на него весь полк и, раздев его, надели на него багряницу. И, сплетши венец из терна, возложили ему

¹⁷ Часть иудеев после разрушения Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II в 586 г. до н. э. была насильственно переселена в Вавилонию.

на голову и дали ему в правую руку трость; и, становясь перед ним на колени, говорили: «Радуйся, царь иудейский»... сняли с него багряницу, и одели его в одежды его, и повели его на распятие» (Матф., XXVII, 27—31).

Отмечая в евангельских рассказах о Христе отголоски вавилонского мифа о Таммузе, следует подчеркнуть, что у многих народов Передней Азии даже после полного торжества «мировых» религий — христианства и мусульманства — в течение длительного времени сохранялись пережитки религиозных представлений и обычаев, несомненно восходивших к вере в бога Таммуза.

Так, в X в. н. э., по свидетельству арабского автора Ан-Надима, почитание Таммуза было распространено среди населения Харрана (в восточной части территории современной Сирии). Ан-Надим писал: «Около середины этого месяца справлялся праздник „Эль-Бугат“, т. е. праздник плачущих женщин. Это праздник Та-уза в честь бога Та-уза. Женщины скорбно оплакивают участь бога, ибо его господин жестоко убил, размолот его кости на мельнице и развеял их по ветру. Во время этого праздника женщины не едят ничего, что было превращено в муку на мельнице, они ограничивают свою пищу мочеными зёрнами, финиками, изюмом....

* * *

На культуру и религию народов древней Сирии и Финикии сильное воздействие оказали культура и религия более крупных и развитых государств — Вавилонии и Египта. Сходство некоторых древнейших культов Вавилонии, Египта и Финикии определялось сходством условий общественного развития в этих странах.

В городах-государствах Финикии — Угарите, Арваде, Тире, Сидоне, Библе — почитались божества, носившие нарицательные названия: Баал (Ваал) — владыка, Баалат (Ваалат) — владычица, Мелек — царь, Мелькарт — царь города, Адон — господин.

Особенно был распространен в Финикии культ Ада на (Адониса) — умирающего и воскресающего божества города Библа (Гебала). Адонис и его возлюбле..

ная сестра богиня Аштарта, которую греки называли Афродитой, тождественны вавилонским божествам Таммузу и Иштар, а также египетским Осирису и Иси-де. Возможно, что культ Адониса складывался под непосредственным влиянием вавилонского мифа о Таммузе.

О древнейших формах культа Адониса и Ашарты известно немного, так как до нас дошли сведения уже главным образом от более позднего, эллинистического времени, когда Адонис и Аштарта-Афродита превратились в греческих богов. Празднества и обряды в их честь совершались во многих греческих городах, в том числе на Кипре и в египетской Александрии.

В греческой легенде об Адонисе рассказывается следующее. У кипрского царя Кинира была дочь Мирра. Воспылав нечестивой любовью к отцу, она добилась своей цели с помощью хитрости. Узнав правду, Кинир проклял дочь и стал ее преследовать. Но боги превратили ее в благовонное дерево, источающее ароматную смолу. Через девять месяцев кора этого дерева лопнула и на свет появился младенец Адонис. Своей необыкновенной красотой он пленил богиню любви Афродиту (Аштарту), которая положила Адониса в ларец и отдала под защиту царице страны теней Персефоне. Увидев красоту Адониса, Персефона не пожелала возвращать его Афродите. Только после вмешательства верховного бога Зевса богиня любви получила своего любимца. Однако недолгим оказалось ее счастье. Бог войны Арес, приняв облик кабана, смертельно ранил Адониса на охоте. Адонис умер. Безутешно было горе Афродиты. Она оплакала своего любимца и отправилась за ним в царство теней умерших. По решению сжалившегося над богиней любви Зевса Адонис часть времени проводит в царстве теней, а часть — с Афродитой на земле. Когда юный Адонис возвращается на землю, вся природа ликует.

Греческая легенда усложняла и поэтизировала финикийский миф, однако его сущность осталась прежней: смерть Адониса, поиски его Афродитой-Аштартой, воскресение Адониса.

Греческий сатирик Лукиан описал совершавшиеся в

финикийском городе Библе во II в. н. э. обряды, связанные с культом Адониса: «Видел я в Библе великое святилище Афродиты Библосской, в котором справляются оргии в честь Адониса... Говорят, что оргии эти установлены в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память об его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, когда прекращаются удары и перестают плачи, приносят жертву Адонису как умершему, и на следующий день рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис¹⁸... В стране Библа есть еще и другое чудо — это река, текущая с Ливанских гор в море. Имя ее — Адонис. Каждый год она меняет свой цвет, делаясь кровавой. Впадая в море, она окрашивает его на далекое пространство и тем указывает библосцам время великой печали. Рассказывают, что в эти дни на Ливане уязвляется Адонис и его кровь, стекая в реку, меняет ее цвет. Отсюда река и получила свое имя»¹⁹.

В позднем варианте мистерий Адониса заметно влияние религиозных обрядов, связанных с культом Осириса. Существовало предание, восходящее, по-видимому, еще к египетским богословским домыслам эпохи нового царства (XVI—XII вв. до н. э.), что Адонис и Осирис — одно и то же божество.

И Лукиан и греческий писатель Плутарх рассказывали, что в Библе почиталась якобы ежегодно прибываемая к берегу волнами моря голова Осириса, убитого его злым братом Сетом.

В эллинистическую и римскую эпохи культ Адониса приобрел в значительной мере синкретический, смешанный характер.

Интересны описания торжественных празднеств в честь Адониса и Афродиты, справлявшихся в египетском городе Александрии. Греческий поэт Феокрит, по-

¹⁸ А п и с — священный бык у древних египтян.

¹⁹ Лукиан, Собрание сочинений в двух томах, т. II, М.—Л., 1935, стр. 262—263.

сетивший Александрию в 60-х годах III в. до н. э., сообщает, что празднества эти были общегосударственными и обставлялись с большой пышностью. К этим празднествам был приурочен обычай проращивать семена растений, всходы которых символизировали «сады Адониса». В этом обычае проявляется связь культа Адониса с хтоническими религиозными представлениями.

Примерно два десятилетия назад в Рас-Шамре (северо-западная часть территории современной Сирии) были обнаружены финикийские религиозные тексты, происходящие из древнего города Угарита. Они показали, что Адон-Адонис относится к числу древнейших финикийских земледельческих божеств.

Угаритские тексты позволяют восстановить древнейшие формы культа Адониса, отождествлявшегося с богом жатвы Акхатом и в особенности с благостным богом-тучегонителем Алейян-Баалом.

Культ бога жатвы Акхата очень древнего происхождения. По-видимому, во время сбора урожая совершалось поклонение последнему снопу, уничтожавшемуся в конце жатвы, что символизировало смерть бога²⁰. Когда созревал новый урожай, считалось, что Акхат возродился.

Впоследствии такое представление было перенесено на Алейян-Баала, который, как об этом говорится в угаритском религиозном эпосе, погибал от руки бога засухи Мота, но затем торжествовал победу. Этому в значительной мере способствовала его супруга богиня Анат (в сущности, в этом случае Алейян-Баал отождествлялся с Адонисом, а Анат — с Аштартой).

Уничтожение бога засухи Мота иногда отождествлялось с обычаем уничтожения последнего снопа, т. е. бога Акхата, хотя, в сущности, здесь скрывались совершенно различные представления: смерть Мота — это уничтожение засухи, голода, смерть Акхата — сбор

²⁰ Обычай поклонения последнему снопу, в котором якобы живет дух хлеба, был очень распространен у многих древних земледельческих народов. Это поклонение проявлялось во время жатвы в магических действиях, рассчитанных на умиловление духа хлеба.

урожая, временное уничтожение благостного бога, возрождающегося вновь.

Вот как говорится в эпосе о борьбе богини Анат с Мотом и торжестве Алейян-Баала и Анат: «Анат схватывает Мота, сына богов, мечом она рассекает его, веялкой она развеивает его, в огне она сжигает его, в мельнице она размалывает его, в поле она сеет его, чтобы есть его плоть, чтобы поклевали птицы долю свою». (В другом мифе Анат представлена как кровавая воительница, а сбор урожая — как истребление врагов.) Смерть Мота здесь, несомненно, отождествляется со смертью Акхата.

В этой связи можно вспомнить, что в рассказе арабского автора Ан-Надима о справлявшемся харранскими женщинами празднике в честь Та-уза (Таммуза) последний также изображался как бог зерна, бог урожая, чьи кости перемалывались на мельнице.

Дошедший до нас угаритский миф о борьбе Алейян-Баала с Мотом, о временном торжестве Мота и смерти Алейян-Баала, о вмешательстве богини Анат, гибели Мота и возрождении Алейян-Баала, несомненно, отражает тот же круг представлений об умирающей и воскресающей природе, что и легенда об Адонисе и Аштарте. Следовательно, мы имеем здесь дело с одним из ранних религиозных представлений, оказавших воздействие на формирование мифа о Христе.

Угаритские мифы интересны не только тем, что они показали древнейшие формы почитания божеств умирающей и воскресающей природы в Финикии и Сирии, но и тем, что позволили обнаруживать связь финикийских верований с религиями соседних народов, прежде всего с древнееврейской религией, на основе которой сложилось христианство. J

* * *

Вопреки уверению богословов об изначальном строгом единобожии иудейской религии в древности она мало отличалась от верований соседних родственных народов, например финикийцев. Поэтому нет ничего удивительного, что в Библии можно найти следы почи-

тания в Палестине за несколько веков до нашей эры многих божеств, среди которых было и божество умирающей, а затем воскресающей природы, подобное Осирису, Таммузу и Адонису. Богословы пытаются объяснить это ссылкой на временное отступничество древних евреев от веры предков. Однако это неверно. Древнееврейская религия по самой сути своей была близка другим тогдашним религиям; в ней также существовал целый комплекс очень древних представлений, связанных с обожествлением природы.

В древнейший период специальных храмов в Палестине не было; богослужения происходили под открытым небом: на холмах, в рощах, под большими деревьями или возле особенно приметных камней. В древнейших библейских книгах («Бытие», «Исход», «Книга судей») нередко говорится, что моления происходили под деревом, в роще, или вблизи специально сооруженного каменного памятника-жертвенника.

Законодательные разделы Библии и писания так называемых пророков полны угроз и обвинений по адресу тех, кто служит богам на холмах и в рощах по обычаю древних хананеев²¹ (см., например, «Книга пророка Иезекииля», XX, 28).

Как видно из Библии, по крайней мере до конца VII в. до н. э. в Палестине, даже в Иудее (в центре наибольшего почитания бога Ягве), поклонялись многим богам соседних стран — Финикии, Моава и других («Четвертая книга царств», XXIII). Как явствует, например, из «Третьей книги царств», в Израильском царстве, в Северной Палестине, в эпоху династии Омри (IX в. до н. э.) было чрезвычайно широко распространено почитание хананейско-финикийских богов-баалов (ваалов) (XVIII, 22).

В Палестине почиталось также божество умирающей и воскресающей природы, аналогичное Осирису, Таммузу и Адонису.

Древнейшим хананейским палестинским божеством, почитавшимся в доиудейском Иерусалиме, был Эльон.

²¹ Хананеями, или хананейцами, называют древнейшее, доеврейское, население Палестины.

О нем говорится в библейской книге «Бытие» (XIV, 18)²².

Несомненно, что само имя Эльон представляло собой палестинский вариант имени Алейяна — бога дождя, грозы, молний, от которого зависел хороший урожай. Впоследствии Эльон был отождествлен с иудейским племенным богом Ягве. Не удивительно, что Ягве получил все характерные признаки бога небесной влаги и огня.

Представления о Ягве как подателе живительной влаги, как о боге-кормильце, проскальзывают в некоторых библейских молитвах — псалмах. Например, в псалме LXIV говорится: «Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее: поток божий полон воды; ты приготавлиаешь хлеб; ибо так устроил ее. Напоаешь борозды ее, уравниаешь глыбы ее, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее. Венчаешь лето благодати твоей, и стези твои источают тук; источают на пустынные пажити, и холмы препоясываются радостью. Луга одеваются стадами, и долины покрываются хлебом, восклицают и поют» («Псалтирь», LXIV, 10—14).

Эта характеристика Ягве имеет сходство с описанием тех качеств, которыми наделялись некоторые другие благодетельные библейские персонажи, например пророки Илия и Елисей, а впоследствии и Иисус Христос.

Что касается пророков Илии и Елисея, якобы живших в Израильском царстве при последних представителях династии Омри, то они, несомненно, вымышленные фигуры, а именно: древние израильские божества, по своим функциям во многом аналогичные Ягве.

Все, что говорится в Библии об Илии и Елисее, представляет собой, в сущности, воплощение в определенных антропоморфических образах качеств Ягве. Как Ягве, Илия и Елисей считались в древности божествами небесной влаги, огня, грозы, молнии и т. д. Показателен в этом отношении библейский рассказ о том, как Илия вызывал дождь («Третья книга царств», XVIII,

²² В русском синодальном тексте Библии «бог Эльон» переводится как «бог всевышний».

41—45). Тучи появляются по молитве Илии с моря — это соответствует угаритскому представлению об Алейяне как сыне моря. По-видимому, в данном случае мы наблюдаем особый мифотворческий прием отделения качеств бога Ягве (Эльона-Алейяна) от качеств человека Илии: сам Илия не рассматривается как бог дождя, как «сын моря», но он вызывает дождь, приходящий по небу с моря. Авторы евангелий, сочиняя впоследствии земную биографию для бога Иисуса, поступали точно так же, как и авторы Библии, создававшие человеческий образ Илии.

С образом Илии очень схож образ другого библейского пророка — Елисея, который выполняет почти те же функции, что и Илия.

Подобно Ягве, Илия и Елисей способны ниспосылать на землю дождь; они насыщают малым количеством пищи большое число людей («Третья книга царств», XVII, 10—16; «Четвертая книга царств», IV, 42—44); оживляют мертвых («Третья книга царств», XVII, 21—23; «Четвертая книга царств», IV, 32—35); перед обоими расступаются воды Иордана («Четвертая книга царств», II, 7—8 и 13—14). Все это свидетельствует о мифичности образов Илии и Елисея.

Особо следует подчеркнуть, что чудеса, творимые Илией и Елисеем, поразительно напоминают деяния Иисуса Христа, который тоже будто бы насыщал голодных, воскрешал мертвых и ходил по воде. Несомненно, что авторы евангелий создавали земную биографию Христа под впечатлением ветхозаветной легенды об Илие и Елисее.

Дело, однако, не только в литературном заимствовании. Во многом это заимствование определялось сходством функций Иисуса Христа с функциями мифологических фигур древности — Илии, Елисея²³, Ягве, Эльона-Алейяна.

Можно сказать, что благостные живительные функции бога дождя и грома Ягве, которыми были наделены

²³ Само имя Елисей буквально переводится как «бог Иисус» («Елисей» — видоизмененная форма «Эль Ягве Шуа», или «Эль Иешуа», что означает «бог Иисус»).

ны Илия и Елисей, впоследствии составители евангелий перенесли и на Иисуса Христа. С другой стороны, в облике верховного иудейского бога Ягве имелись черты, позволявшие иногда связывать его с богом растительности, подобно тому как образ Алейян-Баала мог сливаться с образами Акхата и Адониса.

Это объясняет нам, почему еще в период вавилонского пленения (VI в. до н. э.) у пророка Исаяи²⁴ появился образ божественного посланца Ягве, которого он сравнивает с ростком: «... Он взошел пред ним как отпрыск и как росток из сухой земли... Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни... Но он взял на себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на нем, и ранами его мы исцелились» («Книга пророка Исаяи», LIII, 2—5).

Перед нами — явно материал для последующего содания образа Христа, и материал этот существовал уже за много веков до вымышленной даты рождения мнимого основателя христианства.

Но если функции Ягве (Эльона) были лишь близки функциям спасителя, характерным для божества растительности, то в палестинском пантеоне был и бог умирающей и воскресающей природы, бог растительности, имевший верную подругу — богиню любви. Среди древнеиерусалимских божеств наряду с Эльоном почитался бог податель здоровья Шалем, называвшийся также, по-видимому, Додом или Даудом, что означает «возлюбленный».

Шалем-Дод, по всей вероятности, был божеством, аналогичным Адонису, Таммузу и Осирису. Роль возлюбленной сестры Шалема выполняла богиня Шуламита (Суламифь), буквально: «Шалемова», «Шалемова невеста». В честь Шалема (Дода) и Шуламмиты (Суламифь) в древнейшую эпоху в Иерусалиме совершались примерно те же обряды, что и в честь Оси-

²⁴ Так называемый Второишая, неизвестный иудейский автор VI в. до н. э.

риса и Исиды в Египте, Таммуза и Иштар в Двуречье, Адониса и Аштарты в Библие.

Можно предполагать, что имеющийся в Библии комплекс свадебных песен, называемый «Книга песни песней Соломона», хотя и подвергся позднейшей переделке, все же отражает древний ритуал празднеств в честь богов Шалема и Шуламмиты (обычно считают что в этом памятнике воспевается любовь царя Соломона и его невесты Суламифь; по уверению церковников, в «Книге песни песней» иносказательно говорится о любви Израиля к Ягве или Христа к церкви).

По нашему мнению, «Книга песни песней Соломона» могла войти в Библию только по той причине, что когда-то была ритуально-магическим, обрядовым сочинением, описывающим празднества по случаю любви богов плодородия. Впоследствии, однако, подлинный характер этого произведения был искажен иудейскими и христианскими богословами.

В «Книге песни песней» изображен приход в Палестину двух богов плодородия, подобных Осирису и Исиде, Таммузу и Иштар, Адонису и Аштарте. Любовь двух богов — Шалема и Шуламмиты, их поиски друг друга символизируют пробуждение природы. В «Книге песни песней», как нам кажется, первоначально изображалась любовь не людей, а богов. Так, явственно проскальзывают божественные черты в облике Шуламмиты, приобретающем в «Песни песней» сверхъестественный характер: «...Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили ее» (VI, 9); «Кто эта, восходящая от пустыни, как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?» (III, 6); «Шея твоя — как столп из слоновой кости; глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима; нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; голова твоя на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоей, как пурпур» (VII, 5—6).

Не менее ярко рисуется в «Книге песни песней» Шалем, называемый «возлюбленным» (Додом).

Во время празднеств, по-видимому, представляли, как Шуламмита призывает Шалема-Дода. Праздне-

ства заканчивались торжеством по случаю соединения богов.

Шалем-Дод был не только божеством Иерусалима; он был общесемитическим богом плодородия, и потому его культ имел широкое распространение в Палестине.

Интересно отметить, что царь Давид, образ которого был наделен некоторыми чертами спасителя, родился будто бы там же, где и Христос, — в Вифлееме (т. е. в «Бет-лехеме», «Доме хлеба»). Между тем древний христианский писатель Иероним сообщает, что в Вифлееме находилась роща, в которой женщины оплакивали Таммуза-Адониса (по-видимому, Шалема-Дода, отождествленного с Таммузом и Адонисом). Можно предполагать, следовательно, наличие культа Шалема-Дода в Вифлееме. То, что рождение Давида и Христа связывается в Библии именно с Вифлеемом, не случайно.

В библейской «Книге пророка Иезекииля» сообщается, что даже в Иерусалимском храме женщины оплакивали Таммуза (т. е. Шалема-Дода, отождествленного с Таммузом): «И сказал мне (Ягве — *И. С.*): войди и посмотри на отвратительные мерзости, какие они делают здесь. И вошел я, и вижу, и вот всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных и всякие идолы дома Израилева, написанные по стенам кругом... И привел меня ко входу во врата дома господня, которые к северу, и вот там сидят женщины, плачущие по Таммузу» (VIII, 9—10 и 14).

Многие данные свидетельствуют, что обряды, связанные с культом Шалема-Дода-Таммуза, в Палестине, как и в Двуречье, принимали характер ритуальных оргий («Третья книга царств», XIV, 23—24; «Третья книга царств», XV, 11—12; «Четвертая книга царств», XXIII, 7; «Книга пророка Осии», IV, 13—14).

Итак, в Палестине издавна почитался бог, олицетворявший увядание и воскресение природы. Этого бога, как уже говорилось, могли называть очень древним, еще хананейским именем Шалем-Дод. Однако впоследствии он был отождествлен, по-видимому,

с северопалястинским израильским богом Иешуа (Иисусом).

Иешуа — очень древнее семитическое божество. Культ Иешуа был чрезвычайно распространен у многих семитических народов. В теофорных именах (именах, содержащих в себе наименование бога), известных по памятникам второго тысячелетия до нашей эры, часто встречается имя бога Иешуа. Так, имя этого бога входило в имена некоторых представителей первой вавилонской династии (например, внук царя Хаммурапи носил имя Аби-Иешуа). Но особенно почитался Иешуа у израильских племен в Северной Палестине.

По всей вероятности, сочетание черт древнего израильского Иешуа с характерными признаками хананейско-иудейского Шалема-Дода дало образ благостного, спасительного божества растительности, который послужил основой для создания мифической фигуры Иисуса Христа. Авторы евангелий, сочиняя земную биографию Иисуса, отразили этот процесс слияния израильских и иудейских представлений. Так, по евангелиям, Иисус считается жителем Северной Палестины — Галилеи, но родился он в Южной Палестине — в Иудее, в Вифлееме, где в священной роще женщины, как мы видели, издревле оплакивали смерть Шалема-Дода-Таммуза.

Конечно, установить древний прототип Христа в израильско-иудейской религии — это не значит поставить знак равенства между Иешуа и Христом. Ведь если Иешуа, а также Шалем-Дод «спасали» земледельца — жителя Палестины главным образом от плохого урожая, то Христос был «мировым» богом, к которому обращались в надежде найти утешение и спасение от всех земных горестей.

Это и естественно, так как христианский Иисус был детищем другой эпохи и другого общества, порождением римского рабовладельческого государства, покорившего к I в. до н. э. почти все страны Ближнего Востока, в том числе и Палестину.

Правда, верования палестинского населения претерпели некоторые перемены в этом направлении еще в предшествовавшие эпохи, особенно в эллинистический

период. Уже тогда широко распространилась вера в спасителя, избавителя от чужеземного ига и социальной несправедливости, законного царя, «помазанника» Ягве, т. е. «мешиха» («мессии») ²⁵. Иудейский мессианизм, как известно, возник еще задолго до римского завоевания Палестины.

Нечто подобное происходило в эллинистическо-римскую эпоху и с другими местными религиями в обстановке обострившихся социально-политических противоречий.

И все же между позднепалестинским Иешуа и христианским Иисусом (Иисус — греческая передача имени Иешуа) существовала большая разница. Она состояла, например, в том, что палестинский Иешуа был местным богом, а Иисус Христос (Христос — буквальный греческий перевод древнееврейского слова «меших», т. е. «помазанник», «мессия») — богом всего населения огромной средиземноморской Римской империи. Образ Христа впитал религиозные представления не только жителей Палестины, но и многих других народов. ✓

* * *

На формирование евангельского образа Иисуса Христа значительное влияние оказали малоазийские верования, прежде всего культ Аттиса и Кибелы.

В первоначальном своем облике Аттис и Великая Мать богов Кибела были типичными божествами природы. Кибела считалась богиней плодородия, покрови-

²⁵ Мессианистическими настроениями проникнуты многие обнаруженные недавно в Южной Палестине документы иудейской аскетической общины ревнителей веры — ессеев. В период острой внутренней и внешней борьбы в Палестине в эллинистическо-римскую эпоху ессеи уповали на скорый приход божественного спасителя — казненного руководителя общины, называемого ими «наставником справедливости», который должен вернуться на землю «судить Израиль и все народы». Все члены общины обязаны были трудиться. Они сообща владели имуществом, считали себя связанными со спасителем «новым заветом» в противоположность погрязшим в грехах прочим иудеям. Многие в раннем христианстве поразительно напоминают идеи и организационные принципы общины ессеев.

вительницей животных, царицей гор. Ее возлюбленный Аттис напоминал Таммуза, Адониса и Осириса.

Миф рассказывал о том, как Аттис в припадке безумия оскотил себя под сосной; по другим версиям, он был убит кабаном на охоте. Кибела разыскала тело Аттиса и предала его земле, но боги вокресили его, и вся природа ожила вместе с ним.

Кульг Аттиса и Кибелы получил широкое распространение в Римской империи. Аттис превратился при этом в солнечное божество, покровителя умерших, благостного спасителя. Аттису и Кибеле посвящалось множество храмов с большим штатом жрецов-евнухов.

Весной, в марте, устраивались торжественные празднества по случаю воскресения умершего Аттиса. В день весеннего равноденствия в храм приносили срубленную ветвь сосны, украшенную венками фиалок и обвитую шерстяными повязками, наподобие того как обвивали тело покойного; это, по представлению верующих, должно было напоминать о смерти Аттиса под сосной. В действительности этот обычай был остатком древних обрядов, совершавшихся в честь Аттиса — божества растительности. Вообще в культе Аттиса явственно проступают следы древнего обожествления дерева, с которым связан и христианский культ креста.

Весь следующий день верующие оплакивали умершего бога и предавались печали. При этом жрецы Аттиса даже наносили друг другу раны; многие присутствовавшие в религиозном экстазе оскотляли себя.

25 марта Аттис воскресал, и все участвовавшие в празднестве предавались ликованию, полагая, что и они также воскресли к новой жизни.

Христианская религия, борясь с культом Аттиса, заимствовала, переиначила и перетолковала многие его обряды. Справляемая католиками и православными пасха (праздник воскресения Христа) напоминает древние торжества по случаю воскресения Аттиса. Поклонники Аттиса ночью собирались в храме, где во мраке находился гроб. Внезапно зажигался свет, гроб откры-

вали и объявляли, что Аттис воскрес. В сущности, то же происходит и сейчас в церквах в пятницу на страстной неделе, когда отмечают распятие и смерть Христа.

К культу Аттиса в значительной мере восходят и некоторые другие христианские обряды. Так, «тайнства» причащения и крещения напоминают совершавшийся почитателями Аттиса обряд тавроболий — мистического очищения кровью быка, приносимого в жертву. Во время тавроболий люди спускались в яму; над ними на помосте закалывали быка, кровь которого лилась вниз. Верующие старались вымазаться кровью и пили ее, полагая, что тем самым они очищаются от грехов и приобщаются к самому Аттису.

* * *

Говоря о восточных корнях мифа о Христе, мы прежде всего отмечали родство его с некоторыми хтоническими представлениями народов древнего Востока. Но среди восточных религиозных представлений нехтонического характера также были такие, которые оказали сильное влияние на формирование образа Христа, как, впрочем, и на становление всей христианской религии.

Так, во многом повлиял на христианские вероучение и обрядность культ иранского божества света Митры (митраизм).

Митраизм был очень распространен в поздней Римской империи. Долго он был опасным соперником христианства, которое вело с ним упорную борьбу. В то же время многое из митраизма вошло в христианское учение. Вера в демонов и в грядущий конец мира, представление об аде и рае, о суде над мертвыми — все это, характерное для христианства, испытало сильное влияние иранской религии (предшествовавший христианству поздний, мессианистический иудаизм также многое заимствовал из древнеиранских религиозных представлений).

Митра считался юным солнечным божеством. Он был главным помощником бога добра Агура-Мазды (Ормузда) в его постоянной борьбе с богом зла Анг-

ра-Майнью (Ариманом). Митра — всевидящий и все-слышающий бог света, у него десятки тысяч ушей и глаз. Когда он мчится по небу в колеснице, запряженной белыми конями, ничто не может скрыться от него. Митра ведет борьбу с демонами зла, творит суд, наказывает виновных.

Митра также и благодетельный бог, посылающий на землю дождь, дарующий людям здоровье, богатство, покровительствующий растениям и животным. Особенно выдающимся подвигом Митры считалась его борьба с волшебным быком. Из спинного мозга поверженного Митрой быка выросли хлебные злаки, из крови — виноградные лозы, а из тела — целебные травы. Последним героическим деянием Митры было спасение людей от мирового пожара, устроенного Ариманом. Закончив свои земные подвиги, Митра на колеснице поднялся на небо, где продолжает сражаться против Аримана. Митру изображали как божественного заступника за людей, посланного на землю самим Ормуздом — богом добра.

В митраизме было развито довольно сложное представление о загробном суде и посмертном воздаянии. Митраисты были убеждены, что когда-нибудь Ормузд пошлет на землю спасителя — Саошьянта — сына непорочной девы (по другой версии, на землю спустится сам Митра), который уничтожит все зло на земле. Они верили, что с наступлением конца мира все воскреснут и должны будут пройти через огонь и расплавленный металл. При этом грешники окончательно погибнут, а праведники возродятся к вечной жизни.

Души умерших, прежде чем попасть на небо, должны проходить по длинному мосту над бездной. Для праведников мост достаточно широк, но для грешников он узок, как тончайший волос; поэтому они летят с моста в царство Аримана.

Все эти представления, несомненно, повлияли на христианское (отчасти и на мусульманское) учение об аде и конце света.

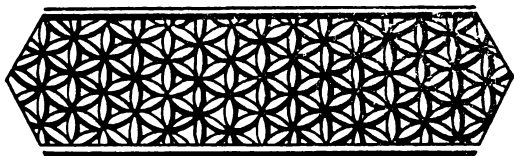
Культ Митры имел таинственный характер; верующие собирались в пещерах, в особых помещениях — митреумах, где совершались сложные обряды. Многие

из этих обрядов были восприняты христианской религией, в том числе и обычай священной трапезы — причащения телом и кровью Митры под видом хлеба и вина. Был в митраизме и обряд омовения водой, сильно напоминающий христианское крещение. Дата рождения Митры — 25 декабря (день зимнего солнцестояния) — впоследствии стала датой рождения Христа.

Были в легенде о Митре и некоторые другие черты, роднящие ее с мифом об Иисусе Христе. Так, рассказ о рождении Митры в пещере и посещении его пастухами, принесшими дары, очень напоминает то место евангелия от Луки, где описываются рождение Христа в Вифлееме в яслях и поклонение ему пастухов, узнавших о нем от ангелов (II, 7 — 20).

Культ Митры, как и культ Аттиса, относится к сравнительно поздним явлениям в истории древневосточных религий. То, что отражали эти культы, — желание найти хотя бы после смерти, в загробном мире, лучшую жизнь, свободную от социального гнета, — было общим стремлением угнетенных трудящихся масс обширной Римской империи, с особой силой сказавшимся позднее в христианстве.

СЛЕДЫ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ВЕРОВАНИЙ В КУЛЬТЕ ХРИСТА

Глубокая связь мифа об Иисусе Христе и всей христианской религии с древнейшими религиозными представлениями народов Востока проявилась во многих обрядах христианской церкви. Особенно наглядно эта связь обнаруживается при исследовании некоторых основных христианских праздников и «таинств», связанных с культом Христа.

Таков прежде всего праздник пасхи.

Пасха — очень древний праздник иудейского происхождения. Еще в глубокой древности в Южной Палестине весной скотоводы справляли «пасех» (в древнесирийском произношении — «пасха») — праздник умилоствления духа — губителя скота. Впоследствии в Библии этот праздник получил иное толкование. Его стали связывать с мифическим событием в истории еврейского народа — «исходом» из египетского плена.

В Библии говорится, что перед «исходом» все евреи смазали косяки на дверях своих домов кровью козленка, чтобы бог Ягве, явившийся для наказания египтян, знал, где живут евреи, и обходил их жилища. Этот рассказ — легенда, идущая от древнего обычая закалывать в праздник пасхи козленка. Такой обычай свя-

зывался с очень распространенным у всех скотоводческих народов представлением о том, что весной, в период появления молодняка у скота, необходимо принести кровавую жертву для умиловствления духа-губителя.

Впоследствии в Палестине праздник скотоводов пасха слился с другим торжеством — праздником земледельцев «маццот», во время которого совершалось ритуальное поедание пресных лепешек, приготовленных из зерна нового урожая. В позднем иудаизме этот праздник пасхи стали связывать с легендой об «исходе» евреев из Египта, проникнутой верой в грядущий приход спасителя, помазанника божьего.

В христианской пасхе есть многое от древней еврейской пасхи; с нею слились и некоторые другие религиозные представления, отчего она получила особый характер.

Первоначально христианская пасха была праздником воспоминания о жертве, которую принес Христос на кресте, чтобы своей смертью искупить грехи людей. Она была днем скорби. С древней еврейской пасхой ее роднило представление об искупительной жертве. Однако христианская пасха в отличие от еврейской отражала представление о том, что жертвой за людей был бог — Христос. Даже слово «пасха» получило другое истолкование; его стали выводить из греческого слова «пасхейн» — «страдать» и связывать со страданиями Христа на кресте.

Однако постепенно первоначальная христианская пасха изменила свой характер. Под влиянием культов Аттиса, Адониса, Митры и других божеств в ней особенно выделились идеи и обряды, связанные с воскресением Христа (весенний праздник воскресения бога был очень характерен для всех этих культов). В частности, ритуал празднеств в честь воскресения Аттиса, справлявшихся в Риме в день весеннего равноденствия (25 марта), сильно повлиял на пасхальные обряды христианской церкви.

Большое влияние оказали и мистерии, устраивавшиеся поклонниками Адониса и Осириса. Так, обычай православных выносить в страстную пятницу из алта-

ря и ставить посреди церкви плащаницу (холст с нарисованным мертвым Христом) напоминает ритуал празднеств по случаю воскресения Адониса. В этом есть сходство и с древнеегипетскими погребальными обрядами, связанными с культом Осириса.

Желая отмежеваться от иудаизма, церковники в IV в. приняли меры к тому, чтобы еврейская пасха не совпадала по времени с христианской. На Никейском соборе в 325 г. было постановлено, что в отличие от еврейской пасхи, приуроченной к одному и тому же месяцу и числу еврейского календаря, христианская должна справляться в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния (так как лунный календарь не совпадает с солнечным, этот праздник приходится на разные дни).

На христианскую пасху повлиял и культ Митры. По-видимому, обычай предпасхального поста восходит к соблюдавшемуся митраистами посту по случаю праздника весеннего равноденствия.

Во время празднования христианской пасхи совершаются очень древние обряды, в том числе и обряд причащения, который относится к числу главных христианских «таинств».

Еще в древности христианам полагалось собираться на ритуальные трапезы. Вначале главным в этих трапезах, или «вечерях» (их прообразом была легендарная «тайная вечеря» Христа и его учеников), считали незримое присутствие Христа. Фактически же это, конечно, был пережиток очень древнего обряда жертвоприношения божеству, сопровождаемого трапезой, на которой, как верили ее участники, присутствовало само божество.

Позднее, опять-таки под влиянием культов Аттиса и Митры, эти трапезы стали истолковывать в том духе, что под видом хлеба и вина верующие едят тело и пьют кровь Христа, «причащаются» к нему. Со временем трапезы стали устраивать утром и потому назвали их уже не «вечерями», а «обеднями».

Обряд поедания плоти божества для получения «благодати» — очень древнего происхождения; он восходит еще к первобытному богоедству, когда бога

съедали под видом посвященного ему животного или растения.

Как уже отмечалось, в восточных культах причащение было обычным явлением. Так, древние иранцы причащались хлебом и водой, смешанной с соком растения хаомы. Впоследствии митраисты заменили сок хаомы вином. Изображения митраистских священных трапез сохранились до нашего времени.

Среди обрядов, связанных с культом Аттиса, причащению также принадлежало видное место; оно совершалось или в форме тавроболий, или в форме поедания священных пищи и питья. Недаром некоторые поклонники Аттиса не видели разницы между собой и христианами. Отголоски древнейшего ритуала поедания божества сохранились в христианском «таинстве» причащения.

Посмотрим теперь, что представляет собой христианский праздник рождества.

Праздник этот сравнительно позднего происхождения. Вначале рождества как праздника вообще не было в христианстве. Первые христиане не приурочивали рождение Христа к определенной дате. На основании некоторых намеков, содержащихся в евангелиях, предполагали, что Иисус родился весной, но никак не зимой, когда пастухи не могли бы пасти скот.

Праздник, справлявшийся во II в. н. э. в одной египетской христианской секте (гностики) 6 января, был днем не рождения, а явления и крещения Иисуса. Эти сектанты считали, что Христос вообще не был рожден, а существовал вечно; поэтому они и отмечали только его приход (по-гречески это называлось «теофанией» — «явлением бога»).

Представления о пришествии бога были очень распространены во многих древних религиях Востока, а также в греческой религии. Египетские гностики установили праздник «теофании» Христа под влиянием культа Эона — почитавшегося в то время божества вечного времени (сам культ Эона был восточного происхождения и восходил к культу иранского бога времени Зрвана Акарана). 6 января верующие в Эона

устраивали праздничные шествия; такие же торжества установили гностики по случаю «теофании» Христа.

Откуда же идет праздник рождества Христова, справляемый 25 декабря?

Этот день был объявлен в IV в. на Западе днем рождения Христа под влиянием принявших христианство поклонников Митры, отмечавших 25 декабря день бога солнца. В древнем Риме зимний праздник солнца, праздник Митры, был приурочен к еще более древнему земледельческому празднику сатурналий, также справлявшемуся в декабре по случаю зимнего солнцестояния.

На Востоке празднование рождения Христа 25 декабря долго не прививалось. В Палестине, например, вначале распространился праздник 6 января как день «теофании» и крещения. Лишь постепенно на Востоке установился двухнедельный праздник рождения и крещения Христа, продолжавшийся с 25 декабря по 6 января.

Так объясняется, казалось бы, непонятный факт празднования рождения и крещения Христа не весной, как следовало бы ожидать, а зимой.

Что касается крещения — «таинства», связываемого с вымышленной историей земной жизни Христа, то оно также было воспринято христианством по наследству от многих более древних восточных религий.

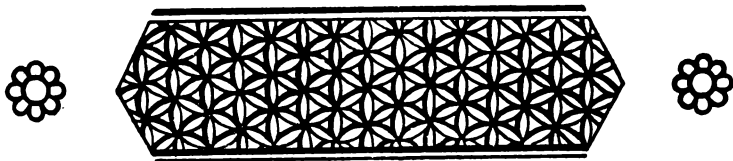
В религиозных учениях древности обряд ритуального очищения связывался с широко распространенными верованиями в магическую очистительную силу воды. Именно поэтому почти во всех древних религиях при посвящении обращенных в тайны культа применялись омовения — «крещение».

Обряды омовения существовали и в иудаизме и в культах Аттиса, Исиды, Митры. Обряд тавроболий для поклонников Аттиса, в сущности, был своеобразным крещением. У митраистов ритуальное омовение также было обычным явлением. В мистериях Исиды омовение посвящаемых было необходимым ритуалом, совершение которого означало как бы вторичное рождение посвящаемого. Это представление древних египтян вполне соответствует гораздо более позднему хри-

стианскому представлению о сущности «таинства» крещения.

Таким образом, крещение, как и «таинство» причащения, восходит к очень древним верованиям и культам восточного происхождения. О том же свидетельствуют главные христианские праздники — пасха и рождество, и это вполне естественно, так как христианство представляет собой смесь и переработку многих легенд и верований, преимущественно восточных.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА И ЕГО КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Теперь, когда мы выяснили, что истоки мифа о Христе следует искать в религиозных представлениях очень многих народов древности, прежде всего народов древнего Востока, когда мы знаем, что дохристианские мифы и заложенные в них религиозные идеи, связанные с верой в божество умирающей и воскресающей природы, оказали большое влияние на формирование легенды о Христе, — возникает вопрос, почему же на основе этих очень древних религиозных представлений образовалась такая сложная и совершенно новая по своему характеру религия, как христианство, какие силы вызвали ее к жизни?

Христианская религия зародилась в римском рабовладельческом государстве в середине I в. н. э. среди иудеев, живших вне Палестины. В первой половине IV в. она стала господствующей государственной религией Римской империи. Причины возникновения и сравнительно быстрого распространения христианства можно уяснить, зная историческую обстановку, в которой оно формировалось. А для этого необходимо хотя бы в самых общих чертах познакомиться с древним Римским государством эпохи империи.

Переход в 30-х годах I в. до н. э. от республиканского управления в Римском государстве к империи был

вызван прежде всего обострением внутренних, социальных противоречий между различными слоями свободных, между привилегированной группой римских граждан и провинциалами, между рабами и рабовладельцами. Последние сто лет существования Римской республики ознаменовались массовыми народными выступлениями. Наиболее крупное из них — восстание рабов под руководством Спартака в 70-х годах I в. до н. э. Оно потрясло до основания римский республиканский строй, показав господствующему классу рабовладельцев необходимость перехода к открытой военной диктатуре — к империи. Со времени этого восстания стало очевидным, что только императорская власть, опирающаяся на армию, в состоянии гарантировать рабовладельцам возможность спокойно эксплуатировать принадлежавших им рабов.

Укрепление власти рабовладельческого класса при императорском режиме привело к еще большей эксплуатации народных масс. Беспощадный гнет, отсутствие веры в возможность успешной борьбы с существующим в мире злом породили апатию, безволие и духовное опустошение среди миллионов угнетенных, которые искали спасения в уходе от жизни, в мистике, в религии ²⁶. Старые религии греков и римлян уже не удовлетворяли духовных запросов «страждущих и обремененных». Что касается религиозных представлений покоренных римлянами народов, то они не могли распространиться среди всех жителей империи, так как имели чисто местный характер.

Римские императоры стремились создать единый для всей империи культ «гения» императора; но это не увенчалось успехом. Какое дело было рабу или закрепощаемому земледельцу-колону до этого «гения»? Они могли совершать все официальные обряды, формально выражая этим свои верноподданнические

²⁶ Рабы были способны на восстания, но их общественный идеал лежал в прошлом. Они стремились, в сущности, к восстановлению порядков, характерных для первобытнообщинного строя. Не будучи носителями новых, более прогрессивных общественных отношений, рабы не могли вывести римское общество из создавшегося тупика.

чувства, но пользоваться особым расположением трудящихся эта искусственно созданная религия, конечно, не могла.

Значительно больше влияния в народе имели те восточные культы, которые заинтересовали своей таинственностью, главным же образом прельщали обещанием личного спасения и благополучия в загробной жизни.

В период империи в Римском государстве распространялись различные восточные религиозные учения; в них древнейшие божества растительности стали и спасителями от зла вообще. Особую популярность приобрели культы Аттиса, Кибелы, Исиды, Адониса, Митры и, наконец, Иисуса Христа. Все эти «спасители» привлекали к себе симпатии бесправных подданных римских императоров, мечтавших хотя бы в религии найти утешение, спасение от тягот земной жизни и надежду на загробное блаженство.

Христианский образ спасителя Иисуса обладал преимуществами по сравнению со своими «конкурентами». Немало здесь значила, как полагают некоторые исследователи, своеобразная интимность христианского учения о божественном заступнике, который не только должен явиться, но уже приходил, жил среди людей, пострадал за них и тем спас род человеческий. Другие восточные вероучения лишь обещали приход божественного мессии, поклонники же Христа утверждали, что этот спаситель, притом не как стоящий над миром бог, а как живший среди людей богочеловек, уже совершил свой подвиг спасения всех угнетенных и страждущих. В этом, возможно, состояла одна из причин успешного вытеснения христианством других мессианистических культов.

Важно было также то, что христианство обращалось с обещанием спасения ко всем людям вне зависимости от их национального и общественного положения и что оно отказалось в первое время от сложной обрядности, которая была свойственна другим религиям и разъединяла приверженцев разных культов.

Но самое главное — в христианской религии отразились объединявшая угнетенных ненависть к угнета-

тельскому Риму, а также общее стремление народных масс найти заступничество у божественного спасителя после многих неудачных попыток в открытой борьбе добиться на земле лучшей жизни.

Мессианиззм, как уже говорилось здесь, был свойствен многим религиям древности. В провинциях огромной Римской империи своеобразные исторические условия, связанные с внутренней социальной борьбой и борьбой против чужеземного господства, чрезвычайно усиливали надежды на приход небесного избавителя.

Очень большое распространение мессианиззм имел среди евреев в Палестине и на чужбине (в диаспоре). Раздираемая внутренними и внешними противоречиями Палестина представляла собой удобное поле деятельности для различных религиозных и политических группировок. Среди них были и группы пассивных «борцов», полагавших, что сопротивление римской власти безнадежно, что нужно терпеть и надеяться на скорый приход божественного спасителя, который установит на земле царство добра и справедливости.

Иудеям, жившим вне Палестины (а таких было очень много), нечего было и мечтать об открытой политической борьбе с всемогущим Римом. Единственное, что им оставалось, — это надежда на помощь небесных сил, на мессию. Именно поэтому христианство и распространилось с самого начала главным образом среди иудеев диаспоры.

Не приходится удивляться, что христианство сложилось из смешения религиозных и философских представлений иудейского и различных других народов. Хотя первые христиане сами себя по-прежнему считали иудеями, на деле они отступали от обязательной для правоверных иудеев обрядности, которая прежде сильно способствовала изоляции их от других народов. Тем самым облегчалось влияние неиудейских, эллинистических философских и религиозных воззрений на формировавшееся христианство.

Сближению восточных и эллино-римских религиозных и философских воззрений во многом способствовали сочинения философа-иудея Филона, жившего в

конце I в. до н. э. и в первой половине I в. н. э. в Александрии. Он разработал учение, сочетавшее иудейскую догматику с положениями идеалистической платоновской философии, признающей существование мира идей. Филон подготовил тем самым почву для идеологических основ христианской религии. Именно потому Ф. Энгельс назвал Филона «дедушкой христианства».

В мистическом религиозно-философском учении Филона содержалось одно из основных представлений еще не сложившегося тогда христианства — о божественном спасителе как посреднике между богом и людьми. Филон называл его Логосом, таинственным божественным «Словом». Он писал, что Логос — это «совершенный сын — первенец бога».

Сильное воздействие на христианское вероучение оказала также классическая римская философия. Так, христианская мораль формировалась под влиянием римского стоицизма.

Стоики (крупнейшим среди них был современник императора Нерона Сенека, умерший в 65 г. н. э.) писали в своих сочинениях о суетности земной жизни и признавали природное равенство всех людей, даже рабов, хотя и не осуждали рабовладельческих порядков. Личная жизнь Сенеки далеко не соответствовала его философским воззрениям; он был ловким стяжателем и интриганом и в то же время призывал других к смирению и равнодушию к земным соблазнам.

Главное, по учению Сенеки, — оставаться спокойным, духовно безмятежным, как бы не замечая мирских тревог. Сенека утверждал, что «тело — бремя души и наказание для нее; она страдает под давлением его, она находится в оковах, пока не является философия, которая дает ей свободно вздохнуть в созерцании природы и возносит ее от земного к небесному»²⁷.

Несомненна близость проповедей Сенеки к основам христианской морали. Недаром Ф. Энгельс назвал его «дядей христианства».

²⁷ А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, стр. 130.

Так раннее христианство постепенно вбирало разные религиозно-философские мотивы. Это, конечно, завершилось не сразу, но в конце концов христианство окончательно отделилось от иудаизма, стало самостоятельным религиозным учением.

Христианское учение довольно быстро распространилось по Средиземноморью — сначала главным образом среди городской бедноты и рабов, среди тех, кто мечтал хотя бы в загробной жизни найти облегчение своей участи. Распространение христианства облегчалось тем, что оно отвергало сложную иудейскую и другую обрядность, присущую только одной какой-либо религии и закреплявшую национальную рознь; собственные же обряды оно создавало из элементов различных культов, так что приверженцы других религий, становясь христианами, находили в новой вере нечто знакомое. В этом была немаловажная причина того, что христианство стало «мировой» религией не только по своеобразным чертам идеологии, но и по распространенности. Как писал П. Лафарг, «именно потому, что христианская религия была смешением различных бывших в ходу мифов, она могла быть принята различными народами»²⁸.

Интересно отметить, что в древности многие замечали близость христианства к различным языческим верованиям и культам. Один жрец Кибелы, например, видя в мистериях Кибелы и Аттиса много общего с христианской обрядностью, заявил известному церковнику — епископу Августину, что сам Аттис — христианин²⁹.

Сходство христианской обрядности с обрядностью различных языческих культов церковники объясняли «кознями дьявола», который стремился-де смущать верующих. Так, христианский богослов конца II и начала III в. Тертуллиан писал, что дьявол «ставит своим долгом извращать истину и всячески старается в

²⁸ П. Лафарг, Очерки по истории культуры, М. — Л., 1926, стр. 190.

²⁹ См. А. Ранович, Очерк истории раннехристианской церкви, стр. 175—176.

мистериях ложных богов подражать святым обрядам христианской религии»³⁰.

Сам факт возникновения христианства свидетельствовал о безысходном отчаянии угнетенных в обстановке, когда не было подлинно революционного класса, способного возглавить борьбу и довести ее до победного конца. Широкие народные массы в исторических условиях Римской империи, несмотря на героические попытки, не могли одержать победу в классовой борьбе. Совершенно справедливо сказал по этому поводу французский историк-коммунист Шарль Эншлен в книге «Происхождение религии»: «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак»³¹.

Первые христианские общины вначале ставили своей целью оказание взаимной поддержки, благотворительность, совместную молитву. Общины были демократичны по социальному составу. Об этом пишут многие древние авторы. Так, языческий писатель Цельс заявлял, например, что христианство было «усвоено только простолюдинами», что проповедники христиан — «шерстобитчики, сапожники, валяльщики, самые грубые мужланы»³². Такие же сведения находим мы и в произведении одного из ранних христианских апологетов Минуция Феликса: «...Большая часть из вас (христиан. — И. С.)... нуждается и страдает, терпит лишения и голод...»³³.

В так называемых «Деяниях святых апостолов» имеются данные для характеристики первых общин христиан, например: «Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (II, 44—45); «Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». (IV, 34—35).

³⁰ А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, стр. 118.

³¹ Ш. Эншлен, Происхождение религии, М., 1954, стр. 118.

³² А. Ранович, Античные критики христианства, стр. 37, 52.

³³ Там же, стр. 117.

В апокрифическом раннехристианском произведении «Учение двенадцати апостолов» («Дидахе») говорится, что все члены христианской общины обязательно должны трудиться: «...предусмотрите, чтобы христианин не жил с вами праздно»³⁴.

То, что подобные воззрения были свойственны раннему христианству, объяснялось, конечно, демократичностью социального состава первых христианских общин. Христианские проповедники того времени, хотя и не призывали к прямой борьбе со злом, но осуждали римскую государственность и надеялись на ее скорое ниспровержение небесным воинством. Это нашло некоторое отражение в евангелиях. Например, в евангелии от Матфея говорится: «приблизилось царство небесное» (X, 7); «не прейдет род сей, как все сие будет» (XXIV, 34).

С наибольшей силой это мистическое бунтарство проявилось в древнейшей книге «Нового завета» — в «Откровении Иоанна Богослова». Написанная в 68 г. н. э., в период ожесточенной борьбы в Палестине против римского господства, она вся проникнута жгучей ненавистью к Риму — царству зла. В видениях Иоанна ярко рисуется грядущая гибель Рима, олицетворенного в образе вавилонской блудницы: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы» (XVIII, 2).

Однако даже в «Откровении» гибель Рима рисуется только как мистическая божья кара, не зависящая от воли людей, и это чрезвычайно характерно для христианства с его пассивным упованием на приход божественного спасителя.

«Откровение» создавалось в Малой Азии, когда еще не существовала церковная организация с должностными лицами — епископами, пресвитерами и диаконами, появившимися лишь в середине II в. При

³⁴ А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, стр. 161.

жизни автора «Откровения» связь между общинами поддерживалась только бродячими проповедниками, так называемыми апостолами («апостол» — греческое слово, означающее «посланник»). Не удивительно поэтому, что между общинами бывали разногласия по вопросам религиозной догматики. Автор «Апокалипсиса» упоминает о множестве враждовавших друг с другом христианских сект.

Обрядность в ранних христианских общинах была очень проста; она сводилась к общим молитвенным собраниям, крещению и мистическим трапезам — «вкушению плоти» Христа.

Беднота и рабы, составлявшие подавляющее большинство в первых христианских общинах, были враждебны Римскому государству. Но уже во II в. число христиан значительно увеличилось, причем в общины вступали и более широкие слои населения, разочарованного в жизни и искавшего утешения в новой религии. Это вело к перемене социального состава христианских общин, главная роль в которых постепенно перешла к богатым людям. Руководители общин стали стремиться к союзу с императорской властью.

Демократические крайности раннего христианства были отвергнуты. В конце концов христианская церковь освятила существовавший общественный порядок с его социальной несправедливостью и заявила, что всякая власть — от бога.

Разбогатевшая церковная организация сама стала угнетать и эксплуатировать трудящихся. С тех пор и по сей день во всех классовых антагонистических обществах — при рабстве, феодализме и капитализме — она являлась и является защитницей эксплуататорского строя.

Церковные пропагандисты любят говорить о гуманизме христианского учения, якобы принесшего в мир жестокостей и пороков всепобеждающий призыв к любви и взаимному прощению. На самом деле уже в ранних произведениях христианской литературы содержится откровенный призыв к покорности властям.

В качестве примера можно привести увещания авто-

ра первого из посланий, приписываемых легендарному апостолу Петру: «...будьте покорны всякому человеческому начальству для господ: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро... Всех почитайте, братство любите, бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно богу, если кто, помышляя о боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (II, 13—14 и 17—18).

В евангелии от Луки мы находим следующие слова, вложенные в уста самого Иисуса Христа: «Блажен раб тот, которого господин его, придя, найдет поступающим так; ...раб же тот, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (XII, 43 и 47).

Такое же по смыслу изречение есть и в «Учении двенадцати апостолов»: «Вы же, рабы, повинуйтесь своим господам, как образу бога, по совести и со страхом»³⁵.

Освятившая рабовладельческую эксплуатацию, христианская пропаганда объявляла непротивление ей своего рода религиозным подвигом. В «Послании к колоссянам» говорится: «Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь бога» (III, 22). Автор «Первого послания к коринфянам» советовал: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван — не смущайся... В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед богом» (VII, 20—21 и 24). Естественно, что такая проповедь отравляла классовое сознание угнетенных масс.

В раннехристианских писаниях иногда формально осуждалось богатство. Но уже очень скоро был найден путь к примирению этих деклараций с реальным положением церкви как крупного собственника. В раннехри-

³⁵ А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, стр. 160.

стианском апокрифическом произведении «Пастырь Герма» есть такие строки: «Бедный богат в молитве, и молитва его имеет великую силу перед господом. Богатый подает бедному... Бедный благодарит бога за богатого, дающего ему. Тот и другой делают дело»³⁶.

Христианская церковь стала стремиться парализовать попытки изменить существовавшие общественные отношения, объявила такие стремления тяжким грехом.

Социальные принципы христианства во всех антагонистических классовых обществах всегда совпадали и совпадают с социальными принципами всех эксплуататорских, реакционных классов. По этой же причине христианство всегда выступало против передовой, материалистической науки. Оно всегда ставило и ставит на первый план слепую веру.

В «Первом послании к коринфянам» говорится: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед богом...» (III, 18—19).

«Символ веры, — утверждал древний христианский богослов Тертуллиан, — высшая мудрость, не знать ничего, кроме этого, — значит обладать высшим знанием»³⁷.

В капиталистическом мире и по сей день не прекращается реакционная идеологическая и политическая деятельность христианской церкви. Господствующая там буржуазия в значительной мере сохраняет власть с помощью своих партий, использующих христианскую религию для идейно-политического порабощения верующих.

Некоторые христианские организации уже давно объявили Христа первым социалистом. Они фальсифицируют историю раннего христианства и пытаются извлечь для себя политические выгоды из симпатий

³⁶ А. Ранович, Очерк истории раннехристианской церкви, стр. 87.

³⁷ Там же, стр. 186.

трудящихся масс к социализму, который не имеет ничего общего с христианской проповедью, реакционной по самому своему существу.

Вот почему освобождение всех трудящихся от влияния христианской идеологии имеет большое политическое и культурное значение. Это важно и в нашей стране, где еще есть пережитки религиозной идеологии в сознании некоторых людей. Правильное понимание того, как возник миф об Иисусе Христе, может способствовать скорейшему устранению реакционного влияния религии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- «К. Маркс и Ф. Энгельс о религии», М., Госполитиздат, 1955.
- «В. И. Ленин о религии», М., Госполитиздат, 1955.
- Виппер Р. Ю.*, Возникновение христианской литературы, М.—Л., 1946.
- Виппер Р. Ю.*, Рим и раннее христианство, М., 1954.
- Дьяконов И. М.*, Амореи (К происхождению культа бога Иисуса), «Вестник древней истории», 1939, № 4.
- Ковалев С. И.*, Миф об Иисусе Христе, Л., 1954.
- Матъе М. Э.*, Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956.
- Матъе М. Э.*, Хеб-сед, «Вестник древней истории», 1956, № 3.
- Никольский Н. М.*, Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов, Минск, 1948.
- Ранович А.*, Античные критики христианства, М., 1935.
- Ранович А.*, Очерк истории древнееврейской религии, М., 1937.
- Ранович А.*, Очерк истории раннехристианской церкви, М., 1941.
- Ранович А.*, Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933.
- Робертсон А.*, Происхождение христианства, М., 1956.
- Франк-Каменецкий И. Г.*, Пророки-чудотворцы (О местном происхождении мифа о Христе), Л., 1925.
- Эншлен Ш.*, Происхождение религии, М., 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Существовал ли евангельский Иисус Христос	3
Кульτ умирающих и воскресающих божеств в рели- гиях древнего Востока	17
Следы некоторых древневосточных верований в культе Христа	44
Причины возникновения христианства и его клас- совая сущность	50
Рекомендуемая литература	62

**Иосиф Александрович
СТУЧЕВСКИЙ
ВОСТОЧНЫЕ КОРНИ МИФА
О ХРИСТЕ**

*Утверждено к печати ученым советом
Института востоковедения
Академии наук СССР*

**Редактор издательства Л. Ф. Керцели
Художественный редактор Л. С. Эрман
Технический редактор Р. А. Негримова
Корректоры М. Н. Гарбер и Л. М. Манелли**

**Сдано в набор 14/VIII 1957 г.
Подписано к печати 10/XII 1957 г.
Т-10866. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 2
(Усл. л. 3,28). Уч.-изд. л. 2,877.
Тираж 30 000 экз. Зак. № 2362
Цена 1 р. 70 к.**

**Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., д. 2.**

**Гип. «Гудок».
Москва, ул. Станкевича, д. 7.**

